

СЕРГЕЙ
САМАРОВ

СПЕЦНАЗ ГРУ

Боевая

эвтаназия

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Боевая эвтаназия

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Самаров С. В.

Боевая эвтаназия / С. В. Самаров — «Эксмо», 2019 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-117631-0

В Россию с территории Грузии проникает крупная банда террористов. В их арсенале мощное бактериологическое оружие, разработанное в секретной лаборатории американских спецслужб. Найти и уничтожить боевиков приказано роте спецназа ГРУ старшего лейтенанта Виктора Собакина. Накануне боевой операции старлею ставят серьезный диагноз – неоперабельная опухоль спинного мозга. Виктор понимает, что смерть может быть разной: на госпитальной койке или в жестоком бою с противником. Но российский офицер уже сделал свой выбор...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-04-117631-0

© Самаров С. В., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Самаров

Боевая эвтаназия

© Самаров С.В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Спецназ погранвойск «Сигма» преследовал крупную банду. Она состояла из полутора, а то и двух тысяч бойцов ИГИЛ, изгнанных из Сирии правительственными войсками при помощи Российской армии. Пограничники шли за ней от самой границы с Грузией.

Бандиты вполне могли бы остановиться и завязать удачный для себя бой, поскольку преследовали их не более шестидесяти бойцов «Сигмы». Но, видимо, перед бандой стояла другая задача. Она должна была непременно углубиться на территорию России, образить личным составом, стать куда более серьезной и опасной силой, а потом проникнуть в глубь страны, чтобы там творить свои черные дела и ни в коем случае не завязнуть в приграничной зоне.

В какой-то степени пополнить личный состав им удалось сразу. Уже вскоре после перелома границы к основным силам присоединились четыре небольшие преступные группы, состоящие из молодых местных жителей. По мере продвижения в банду вливались по одному, по два, по три человека, тоже, конечно же, из числа местных жителей, которые поджидали своих поделщиков и единомышленников в ущельях, неподалеку от границы, заранее зная путь следования банды.

Это были люди из числа тех, которые до этого поддерживали ИГИЛ только морально, в мыслях сочувствовали им, но уйти в ряды террористической организации, действующей за пределами России, по каким-то обстоятельствам не смогли. Кто-то не сумел оформить визу, необходимую для выезда в сопредельные страны, кого-то не отпустили домашние дела. Да мало ли какие могли быть причины, вплоть до элементарной нехватки средств на поездку.

По пути следования банда дважды посещала дагестанские села, где некому было оказать ей достойное сопротивление. Кроме разве что одного-двух полицейских. Эти люди заранее понимали свою дальнейшую участь, но все же выступали против незваных гостей с оружием в руках.

Бандиты пролили в селах много крови. Они расстреливали людей просто потому, что те были им не рады.

Народы Дагестана издревле хорошо встречают тех, кто приходит к ним с добром, и оказывают сопротивление тем, кто желает навязать им свою волю. В этом в начале августа тысяча девятьсот девяносто девятого года убедились бойцы Басаева и Хаттаба, пожелавшие включить Дагестан в сферу своего влияния. Чеченских боевиков тогда встретили женщины и старики с косами и с охотничьими двустволками в руках. Они не желали пустить их на свою землю и отстояли ее, когда собралось ополчение и спешно подошли части регулярной Российской армии. Бандиты же рассчитывали, кажется, совсем на другой прием.

По ходу этих событий «Сигма» была усилена пограничниками из двух отдельных групп специальной разведки, официально приравненных к ротам, хотя по численности они составляли только взводы. Первая была из состава Нальчикского погранотряда, вторая – из Хунзахского, то есть местная, дагестанская. Они вели преследование по всем правилам боевых действий, не отставали от противника ни на шаг, однако в боевые действия почему-то, к удивлению бандитов, не вступали.

Тем к тому времени было уже не до сел. Видимо, информация о том, что «Сигма» в основе своей была сформирована из офицеров прославленного управления «А» ФСБ России, у бандитов имелась. «Альфа» наводила страх на террористов еще с 1978 года. Тогда эти ребята малыми силами штурмом взяли дворец президента Амина в Кабуле и расстреляли его. Все это невзирая на мощную охрану, составленную из великанов-гвардейцев и усиленную бронетехникой.

Эти традиции в спецназе погранвойск полностью сохранялись и не обещали бандитам ничего хорошего. Может быть, это тоже сыграло свою роль в нежелании банды завязать бой.

Видимо, количественные силы преследователей были им неизвестны, а предположить, что преследование ведет настолько небольшая группа, они даже не могли.

Может быть, бандиты просто знали, что дальше им предстоит столкнуться со спецназом военной разведки, который обычно работает в тесном контакте с «Сигмой». Поэтому они берегли силы и пытались пройти погранзону как можно быстрее, надеясь на то, что спецназ военной разведки не успеет развернуться и перекрыть им дальнейший путь. Но бандиты просчитались.

Военным разведчикам требуется минимальное количество времени на подготовку к бою. В принципе, они могут вступить в схватку, едва только покинув борт вертолета. Солдаты были очень неплохо обучены этому, могли стрелять прицельно и с борта вертолета, и даже с каната, по которому они спускались на землю, удерживаясь только ногами.

В этот раз вертолеты выбросили спецназовцев Главного управления Генерального штаба, как сейчас официально называется ГРУ, там, где, согласно полученным данным, только и могла пройти банда. Это место оказалось самым удобным для обороны. Поперек ущелья здесь располагалась возвышенность, созданная относительно недавно обвалом части хребта. А от спецназовцев требовалось именно держать оборону, запереть банду в ущелье до подхода основных сил, поскольку пока в распоряжении командования оказалось только одно подразделение. Это была разведрота в усеченном, как обычно и бывает в спецназе ГРУ, составе.

Что могут сделать семьдесят шесть человек против полутора тысяч! Даже семьдесят семь, если считать и самого командира роты. К тому же старший лейтенант Собакин принял это подразделение только четыре недели назад, по сути дела непосредственно перед отправкой на Северный Кавказ, когда утверждался состав участников командировки.

Старшему лейтенанту даже звание капитана присвоить не успели. Обещали, даже документы в Москву отправили. Но там, как это обычно и бывает, с отправкой приказа не поспешили.

Теперь неполной роте во главе с новым командиром предстоял неравный бой. Конечно, погранцы поддержат огнем. Сомневаться в этом несколько не приходилось. Не зря же они тратили время на преследование. Но их тоже было слишком мало для полноценного боя с противником, настолько превосходящим по численности.

Военные разведчики и пограничники могли атаковать бандитов с двух сторон. Стрельбу обоим подразделениям предстояло вести сверху вниз, что исключало причинение помех одним подразделением другому. Ни одно из них не рисковало попасть под огонь смежников. Однако как армейским разведчикам, так и спецназу погранвойск элементарно не хватало стволов, о чем бандиты, скорее всего, не подозревали.

Правда, пограничники ожидали, что им вертолетным бортом подбросят минометную батарею. Но всего одно такое подразделение тоже никак не могло сделать погоды. Спецназу ГРУ была обещана поддержка с воздуха, как только освободятся с других боевых участков вертолеты-ракетоносцы. Но это тоже не сразу, поскольку вертолетам требуется и подзаправиться, так как питаются они не воздухом, и пополнить боекомплект, а потом еще добираться до места.

Правда, в сводном отряде спецназа военной разведки, действующем на Северном Кавказе, очень даже к месту оказался свободным взвод минометной поддержки, который сразу, вместе с орудиями и тройным боекомплектом, был присоединен к разведроте. Вертолет, на борту которого находилось данное подразделение, умудрился сесть в ущелье. Но и этого тоже было ничтожно мало.

Усложняло ситуацию еще и то, что между командирами разведывательной роты и отряда спецназа погранвойск не было прямой связи. Она осуществлялась через штаб погранвойск. Любое сообщение командира «Сигмы» сначала поступало туда, потом – на узел связи сводного отряда. Только после этого оно доходило до командира роты старшего лейтенанта Виктора Алексеевича Собакина.

Такая длинная цепочка связи, очень напоминающая детскую игру в испорченный телефон, не устраивала никого. Терялось время и точность согласований.

Начальник штаба сводного отряда взялся установить прямую связь. По крайней мере, он пообещал подумать над решением этого вопроса. А пока приходилось удовлетворяться изначальным вариантом.

Но старший лейтенант Собакин лучше многих других знал, что майор Крашенинников слов на ветер никогда не бросает. Он когда-то служил вместе с ним, в одном батальоне, где тот тоже был начальником штаба. Если майор обещал, то он что-то обязательно придумает. Поэтому командир разведывательной роты не отчаивался. Он вообще по характеру своему не имел такой дурной привычки.

В завершение сеанса связи майор спросил его именно об этом:

– Ты не сильно отчаиваешься, Виктор Алексеевич? Понимаю, что стволов у тебя мало. Но никого под рукой больше нет. Как у тебя позиция-то? Можно держаться?

В старой системе связи, работавшей с помощью радистов, каждый абонент имел собственный позывной. Связь через оснастку «Ратник» была шифрованной сама по себе, автоматически. Роль такого оборудования здесь исполняли нагрудные приборы каждого солдата и офицера. Поэтому прямое упоминание имен и званий стало теперь вполне допустимым.

– Мы постараемся, товарищ майор, – ответил старший лейтенант довольно кисло.

– Ты обязан постараться. Горы, это ведь твоя стихия. Я так понимаю, что звание мастера спорта по альпинизму кому попало за здорово живешь не дают!

– Вообще-то, товарищ майор, все правильно. Горы, это и в самом деле моя стихия. Только мастер спорта я не по альпинизму, а по горному туризму. Это разные вещи. Горный спорт делится на несколько разделов. Это и альпинизм, и горный туризм, и скалолазание. С большой натяжкой сюда же можно отнести и спелеологию, однако натяжка эта искусственна, поскольку пещеры не только в высоких горах располагаются.

– А как твоя голова? – поинтересовался начальник штаба, не вдаваясь в подробности горного спорта, который он, по большому счету, вообще не понимал.

«И этот уже знает», – с раздражением подумал командир роты.

Он ведь специально ездил в онкологический диспансер, находящийся в другом городе своей же области, тратил на это дни своего отпуска, чтобы никто ни в части, ни в семье не проведал о его болезни. Старший лейтенант рассчитывал, что этого никто не знает. Так, по крайней мере, должно было бы быть. Однако кто-то узнал. Если пополз слух, то остановить его уже практически невозможно.

Сейчас Собакин едва ли не выл от боли, но при этом держался так, что никто из бойцов, окружающих его, ничего не заметил.

– Нормально голова, – ответил он вполне бодрым голосом и осведомился: – А что у меня с ней не в порядке? Стрижка не та?

– Ничего. Это я так, на всякий случай. Разговоры ходят, что у тебя голова часто болит.

В реальности она болела не часто. Так было всегда. Неутешительный диагноз – неоперативная интрамедуллярная опухоль спинного мозга – ставил жирный крест не только на военной карьере, но и, кажется, вообще на жизни старшего лейтенанта. Врач, к которому Виктор Алексеевич приехал по наводке старого товарища, теперь уже отставника, произвел тщательное обследование.

После этого он сказал откровенно, сразу на «ты», не опасаясь сильно испугать боевого офицера спецназа:

– Могу дать тебе максимум полгода жизни. Но с постоянной болью. Ты ужасно запустил свою болезнь.

– Не моя вина. Наш ротный фельдшер изначально сказал, что у меня банальный остеохондроз. Оттого и шея болит, а от нее и голова. Хотя я даже не думал, что от остеохондроза

могут быть такие боли, которые словами описать невозможно. Ведь порог чувствительности у всех разный. Но фельдшер уверил меня в том, что боли могут быть и с трудом переносимые, даже свое лекарство предложил.

– Какое же?

– Гель для лошадей. Продается без рецепта. Чаще он попадает в ветеринарных аптеках, но можно найти его и в человеческих. Вначале он мне помогал. По крайней мере, боль снимал.

– Он и должен был снимать. Но только в малой мере. Да и то лишь в те моменты, когда боль сама по себе хотя бы частично отступает. Потом начинается регрессия. Ты причину принял за следствие. В результате теперь у нас в стране сделать тебе операцию не возьмется ни один онкохирург. Согласиться-то они могут, но, по правде говоря, только от твоего и своего собственного отчаяния. Я не уверен, что это возможно в Германии, в Израиле или в Чехии. Только в этих трех странах такие операции делать умеют. Сможешь набрать денег? В Чехии, кстати, операция в два раза дешевле. Помимо всего прочего сумма включает в себя послеоперационный уход за больным.

– Чехия входит в состав НАТО, как и Германия. Значит, это исключено. Ни в одной из стран, входящих в этот военный блок, не будут лечить российского офицера с моим настоящим и прошлым. Тем более спецназовца военной разведки. Если в Чехии, в Германии или даже в любой другой стране, входящей в НАТО, не дай бог случится какая-то беда, то обвинят в ней прежде всего именно меня, даже лежащего на операционном столе, под капельницей и с аппаратом искусственной вентиляции легких. Такое уже бывало не раз. Случалось даже смешнее.

– Остается Израиль.

– Союзник США. Тоже совершенно исключено. Что в странах, членах НАТО, что в Израиле местные спецслужбы попытаются воспользоваться тем временем, когда я буду под наркозом, чтобы допросить меня. Командование не даст мне на это разрешение. Мое начальство тоже понимает угрозу.

– Ты настолько засекреченный человек?

В этом вопросе довольно четко прозвучала даже нотка презрения к высокому мнению офицера о себе, и Собакин легко уловил ее. Врач явно не понимал сути дела. Объяснять ему, что тут к чему, разжевывая слова и понятия, старший лейтенант Собакин не пожелал, да и права на раскрытие даже минимальных государственных тайн не имел. Эти дела не касались даже военных врачей, не говоря уже о гражданских.

– Не в этом дело. Существует множество вопросов, на которые я смог бы дать ответы, находясь в бессознательном состоянии, – сказал он.

– В таком случае выбор остается за вами. – Врач неожиданно перешел в разговоре на «вы», словно этим отказывался от лечения больного, хотя, может быть, и просто заужавал государственного человека и его службу. – Умирать, страдая от неминуемой боли, либо лечиться.

– А какое-то медикаментозное лечение возможно?

Врач внимательно посмотрел на старшего лейтенанта через очки, сильно, до неестественности увеличивающие глаза, даже сильно выпучивающие их, отрицательно покачал головой и проговорил:

– Только оперативное вмешательство. Но ведь не исключено, что вы все преувеличиваете. Возможно, ваше командование пойдет вам навстречу. Обратитесь к нему. Это единственный дельный совет, который я могу вам дать.

Но сам старший лейтенант наличие своей боли предпочитал скрывать от всех, в том числе и от командования, и даже от своей семьи.

Глава 2

– Всем внимание! Аккуратно окопаться. Окопы индивидуальные, в полный рост, расположены строго по гребню, не выше и не ниже. Использовать для бруствера камни и землю так, чтобы все вокруг было одинаково и чтобы издали никто ничего не заметил, – отдал Собакин приказ сразу после того, как улетели вертолеты, высадившие разведывательную роту.

Шум винтов тяжелых военно-транспортных машин, специально для этого мероприятия арендованных в авиаотряде Каспийска, удалялся быстро. Он уже позволял говорить не громко, по крайней мере не кричать, что вообще было для Виктора Алексеевича делом проблематичным. Здоровье не позволяло ему этого делать. Каждое слово, произнесенное на повышенных тонах, эхом перекачивалось из одного полушария мозга в другое и с болью колошматилось в стенки черепной коробки.

Вдобавок он отдавал команды тихим голосом уже довольно давно, с тех самых пор, как спецназ военной разведки был полностью оснащен гарнитурой связи. К хорошему, говорят, человек привыкает легко. Заглушить шум вертолетных винтов и двигателей, когда они рядом, почти над головой, было невозможно, поскольку в гарнитуру связи входили микрофоны, прикрепленные к шлему и прикрывающие только один уголок рта у каждого бойца. Чуткие приборы, привычные разбирать даже шепот, этот шум улавливали и передавали всем, кто не отключил систему связи. Поэтому бойцам приходилось дожидаться момента, когда вертолеты удалятся на довольно изрядное расстояние.

Боль сжимала старшему лейтенанту затылок, одновременно распирала его, словно приподнимала часть головы. Поначалу это было непривычно, мешало сосредотачиваться. Виктор Алексеевич уже давно и очень хорошо знал, что стоит ему углубиться в собственные ощущения, понаблюдать за своим состоянием, как становится сложно думать о чем-то другом, насущном, о чем необходимо думать в данный момент. Поэтому он старался на боль внимания не обращать, не углубляться в те самые собственные ощущения, но время от времени все равно ловил себя на ненужных мыслях и всегда с большим трудом возвращался в действительность.

При этом старший лейтенант по собственному опыту знал, что заставить себя не думать о боли можно единственным способом. Надо загрузить мозг и даже все тело чем-то другим, поставить себе какую-то задачу.

Сейчас он взялся сам копать себе окоп, хотя уже в те времена, когда еще только взводом командовал, позволял сделать это солдатам, подчиненным ему. Работу для командира они выполняли всегда особо старательно, знали его характер аккуратиста и умение спросить за то, что им было поручено.

Обвал хребта, где разведрота оборудовала себе позицию, видимо, произошел достаточно давно, совершенно точно, что не этой весной. Земля уже успела основательно слежаться, поэтому старшему лейтенанту приходилось делать немалое усилие, чтобы малая саперная лопатка, заточенная до остроты бритвы, уходила в почву хотя бы на половину штыка. В земле было множество небольших камней, которые создавали дополнительные трудности при рытье окопа. Каждое усилие отдавалось в шею и в затылке сильнейшей болью, однако Собакин с работой легко справлялся. Он многократно учил каждый новый призыв собственным примером, то есть тренировался и сам, навыки, полученные во время обучения в военном училище, не терял.

– Как только кто с окопом закончит, начинает точить лопатку. Командиры взводов будут проверять, – дал командир роты следующее распоряжение.

Он тут же увидел, что несколько бойцов, этой команды не дожидаясь, свои лопатки уже точат. Оселок для заточки у каждого имелся свой собственный. Кто-то предпочитал пользоваться грубым наждаком, кто-то вообще использовал бруски с алмазным напылением, кто-то на время менялся брусками с товарищем.

На вкус и цвет среди солдат единообразия, положенного в армии, не наблюдалось, и командир разведывательной роты это даже приветствовал. Он только следил, чтобы форма одежды у его подчиненных всегда была соответствующая, как оно в войсках и полагается.

Например, многие солдаты-контрактники раньше, когда еще не существовало костюмов оснастки «Ратник», привыкли носить на голове бандану вместо каски. Они и сейчас норовили нацепить ее вместо шлема. Но он выдерживал выстрел из пистолета Макарова с пятиметровой дистанции, следовательно, неплохо защищал голову даже от автоматной пули, особенно выпущенной издалека, не всегда прицельной и чаще всего идущей по касательной.

Поэтому командир разведроты в период боевых действий категорически запрещал ношение на голове банданы. Привык к ней, считаешь амулетом, носи на шее, как ковбой из кино. Только под кителем, а еще лучше под тельняшку прячь. Но можно даже и поверх нее, такое пижонство не наказуемо. Все это, несмотря на многочисленные жалобы солдат насчет того, что в шлеме им неудобно, в нем плохо видно. Кому-то он тяжелым казался, хотя весил только слегка больше килограмма и был несравнимо прочнее прочих головных уборов.

За короткий период времени бойцы к шлему привыкли, стали считать его и легким, и удобным. Особенно для осуществления связи, когда командир бывает в состоянии отдавать команды даже шепотом. Все бойцы хотят слышать их сами, а не получать от товарища, который шлем носит. А уж про личную безопасность, защиту от пуль противника и говорить не стоило. Это все было многократно проверено обстоятельствами.

В спецназе военной разведки, который традиционно апробирует все военные новинки, давно уже ходили слухи о том, что на смену оснастке «Ратник» готовится новый комплект под названием «Сотник», пока еще условным. Но что это такое и чем новый комплект будет отличаться от старого, не знал никто, даже старшие офицеры. Оставалось ждать.

Виктор Алексеевич дал команду копать индивидуальные окопы и после этого, когда менять ее было уже поздно, засомневался в своей правоте. Может, ему стоило избрать классический вариант, применяемый в мотострелковых подразделениях? Там одно отделение обычно держит рубеж обороны протяженностью в сотню метров. Окопы соединены друг с другом переходами, позволяющими и раненому своевременную помощь оказать, и передвинуться в сторону, чтобы оказать поддержку огнем товарищу справа или слева.

Но выбор старшего лейтенанта в пользу индивидуальных окопов объяснялся просто. Ущелье в месте перекрытия имело в ширину всего-то полторы сотни метров. Растягивать окопную линию необходимости не было, как и нужды готовить в тылу запасную позицию.

Впрочем, для этого не имелось и возможности. Сама вершина гребня оказалась настолько узкой, что со второй линии окопов просто не видно было бы противника, пока он за него не перескочит. При высокой плотности обороны поддержать товарища огнем вполне можно и из своего окопа. Сам гребень горки, перекрывшей ущелье, где окопы и были расположены, давал бойцам возможность без особых проблем подобраться к раненому товарищу сзади, где и находился вход в индивидуальный окоп. К тому же плотность огня в данном случае была достаточно высокой, позволяла остановить банду, имеющую многократное численное преимущество.

Потому старший лейтенант решил не изменять свое первоначальное распоряжение. Он с удовольствием наблюдал, как командиры взводов, не дожидаясь его подсказки, приказывают солдатам сооружать ложные брустверы по обе стороны от каждого окопа. Пойми после этого, из-за которого в тебя стреляют, даже если ты и сумел все-таки каким-то образом определить их. Опыт подсказывал командирам подразделений, что даже при дневном свете сделать это практически невозможно, не говоря уже о темном времени суток. Один командир взвода начал, другие увидели и приказали ставить такие же обманки и в своих взводах.

Два бойца саперного взвода закончили все земляные работы раньше других. Потом они, естественно, по команде своего командира взвода, стали выставлять такие же ложные бруств-

веры и по обе стороны от окопа командира роты, расположенного по центру позиции, чтобы контролировать оба фланга. В итоге командирский окоп ничем не отличался от других.

Другие бойцы-саперы в это время были заняты выставлением минного заслона на подступах к позиции роты. Ее центр, пожалуй, должен был стать самым безопасным направлением во время боя. Но не с самого его начала. Именно сюда будет направлена первая атака бандитов. Они сразу попытаются разрезать заслон на две части, которые можно было бы потом уничтожить по отдельности. Однако при этом правый и левый фланги будут в состоянии поддержать центр огнем.

Позже, как бывает обычно, атака пойдет по двум направлениям, непременно по флангам. Может быть, главарь банды предпочтет нанести концентрированный удар по какому-то одному из них. Правый, где стоял надежный первый взвод, был относительно открыт для прострела с центральной позиции. Левый же представлял собой нагромождение скал, за которыми можно было успешно прятаться от автоматных очередей и в относительной безопасности подойти на дистанцию ближнего боя.

В этом случае надежда была на успешную работу снайперов. Они, не дожидаясь команды, будут сбоку отыскивать тех личностей, которые отдают приказания, и лишат банду управления. Так было всегда, и снайперы это знают.

Свой снайпер имелся в каждом взводе кроме саперного и связи. В первом даже два. Способности у всех них были разные, стреляли они каждый по-своему. Но наступающие бандиты будут на ближней дистанции и обязательно попадут в зону обстрела снайперов на любом фланге.

С такого расстояния сможет произвести удачный выстрел не только обученный снайпер, но и простой солдат, имеющий на автомате «АК-12» оптический тепловизионный прицел. Они во взводе есть на всех до единого автоматах, как и глушители, которые одновременно являются и пламегасителями, не демаскируют место, откуда производится выстрел.

Но только лишь снайперы имеют в своем арсенале «Винторезы». У одного из них есть еще и штатная винтовка «Корд» калибра двенадцать и семь десятых миллиметра. При попадании в конечность или голову пуля отрывает их. Если она угодит в живот, то может разорвать корпус пополам.

Снайпер третьего взвода прапорщик Затулько как раз на подобных выстрелах и специализируется. «Винторез» у него трофейный. На его деревянном прикладе изначально было множество нарезок. Бандит, который раньше пользовался этой винтовкой, много федералов положил. Это вызывало у прапорщика Затулько только злость. В отместку он после каждого удачного выстрела из любой своей винтовки ставил на ее прикладе засечку собственную. Прапорщик уже почти догнал бандитского снайпера по количеству попаданий.

Виктор Алексеевич посмотрел на часы, хотя мог определиться и без них. До расчетного времени подхода банды оставалось около полутора часов.

– Командиры взводов, выставить наблюдателей! Остальным отдыхать до особой команды, – распорядился он.

Сам командир роты отдыхать не собирался. Он знал, что попытка забыться сразу, без лишних слов, уведет его в привычные ощущения боли. Те самые, которые хотя бы частично уходят только во время боя.

Были, естественно, у старшего лейтенанта при себе и сильнодействующие средства, призванные утихомирить самую сильную боль. Но после приема этих препаратов голова командира роты не могла мыслить ясно, катастрофически терялась реакция, плохо понималась общая ситуация. К тому же эти лекарства больше снимали стресс после боли, чем ее саму.

Болеутоляющие таблетки были препаратами строгой отчетности, то есть носителями наркотической составляющей, поэтому на мозг действовали особенно сильно. К тому же они вызывали привыкание.

Собакин намеренно не принимал эти лекарственные средства в сложных ситуациях. Он иногда позволял себе делать это дома. Так продолжалось до тех пор, пока жена однажды не спросила его, сколько и чего он выпил. Он тогда сказал ей, что пил чистый медицинский спирт. Мол, угостил шифровальщик, получивший со склада канистру для чистки контактов своих машин. Медицинский спирт, как сказал Виктор тогда жене, тем и хорош, что почти не пахнет. Хотя сам он в этом уверен не был. Но она, человек совершенно не пьющий, таким ответом удовлетворилась.

– Котенков! – позвал Собакин лейтенанта, командира минометного взвода.

На вооружении этого подразделения состояли четыре восьмидесятидвухмиллиметровых миномета «Поднос».

– Я, командир, – тут же отозвался лейтенант.

– Доложи готовность.

– Все установили. Хорошо было бы каждой трубе пальнуть по разу для пристрелки.

– Никак нельзя сейчас шум поднимать. Бандиты могут остановиться. Поймут, что мы впереди. Будут искать переход в другое ущелье.

– Я понимаю ситуацию, поэтому не настаиваю на пробном выстреле даже для одной трубы. Куда выставить корректировщика, командир?

– На обвалившийся хребет его посадить сможешь?

– У меня во взводе есть разрядник по скалолазанию. Правда, он второй номер в минометном расчете. Но там есть кому его заменить.

– Разрядник, это хорошо. Только здесь, мне думается, не скалолаз требуется, а просто человек с хорошей дыхалкой. Склон сбоку слишком крутой, забраться на него будет сложно, но вполне реально. Ты найдешь такого парня, который там пройдет?

– Любого из моих можно послать. Даже того же разрядника рядового Максакова. У него, кстати, большой опыт корректировки.

– Отлично. Отсылай. А я пару человек прикажу выделить ему в подкрепление, чтобы могли при необходимости огнем его прикрыть. Корытин, Саша, слышишь?

Старший лейтенант Корытин, командир первого взвода, единственного полного в роте, неофициальный заместитель самого Собакина, услышал его сразу, понял задачу и проговорил:

– Ясно, командир. Выделяю пару бойцов. С ними хочу отправить и одного из своих снайперов. Наверху он будет на месте. Оттуда обзор хороший. Дистанция позволяет отстреливать бандитов на выбор.

– Добро, работай, – согласился Собакин.

Через пару минут старший лейтенант поднял бинокль. Он наблюдал, как по склону, довольно крутому, градусов этак в сорок пять, а то и пятьдесят, карабкались на перевал четверо бойцов. Один из них держал за плечами снайперскую винтовку, для маскировки обмотанную тряпками, развевающимися на ветру. Двое держали одной рукой автоматы со сдвинутыми телескопическими прикладами, второй при этом опирались на склон. Четвертый боец, взбирающийся самым последним, перекинул через шею на спину ремешок футляра большого и тяжелого бинокля. Там же, на спине, он держал и собственный автомат, чтобы тот не мешал подъему. Ремешок футляра бинокля был тонким, видимо, резал шею, и боец несколько раз подправлял его. Но передвижения по склону это не задерживало.

Весь подъем занял около сорока минут. Задний, похоже, подстраховывал передних, давал им подсказки и не стремился их обогнать, хотя по его движениям видно было, что он всегда может добавить в скорости.

Старший лейтенант Собакин опустил свой бинокль только тогда, когда наблюдатель и корректировщик, идущий последним, оказались на перевале. После этого он снова посмотрел на часы, словно проверяя себя, свое умение чувствовать время. Во время наблюдения боль

вроде бы отступила, но стоило командиру роты опустить бинокль, как она снова начала одолевать его.

Время появления банды в оперативном отделе сводного отряда было рассчитано правильно, хотя, как и всегда при подобных расчетах, с допуском плюс-минус десять минут. Виктор Алексеевич рассматривал в бинокль первые ряды бандитской колонны и удивлялся. Согласно слухам, официальным сводкам и заявлениям политиков, в бандиты подавалась прежде всего молодежь, не нашедшая себе места в социуме. Но впереди шагали широкобородые зрелые мужчины. Некоторые из них были бритоголовыми. Другие обладали густой и жесткой как проволока шевелюрой, скрепленной зеленой лентой с надписью арабской вязью.

Но вскоре старшему лейтенанту все стало понятно. Первыми шли выходцы из Сирии, самые опытные бойцы, умеющие чувствовать противника загодя. Эмир банды, похоже, надеялся, что эти люди не заведут остальных в западню, под стрельбу из засады. За этими бойцами следовали молодые парни. Они не имели такого устрашающего вида, хотя и старались изобразить на лицах суровость, серьезность и решительность.

Старший лейтенант посчитал, что эти люди присоединились к банде уже по эту сторону границы. Необстрелянные юнцы мечтали о великой славе и богатстве, которое им обещали вербовщики ИГИЛ. Размещение новобранцев на таком месте в колонне было совершенно естественным.

Старший лейтенант Собакин отдал должное эмиру банды, даже не зная его имени. Сам он на его месте поступил бы точно так же. Если погибнут эти молокососы, то потеря окажется невелика. К тому же ее легко можно будет восполнить за счет нового пополнения.

Первыми эмир поставил тех людей, которые пользуются в банде высоким авторитетом и всегда готовы составить ему конкуренцию. Если они погибнут, то эмиру будет тоже не жалко. Меньше склок в банде. В любом коллективе есть личности подобного рода. Они считают, что смогут руководить лучше, и готовы занять главенствующее положение.

Именно в этот момент, отвлекая старшего лейтенанта от мыслей и возвращая боль в голову, подал звуковой сигнал комплекс разведки, управления и связи, сокращенно КРУС. Узел связи сводного отряда вызывал командира разведроты.

– Старший лейтенант Собакин. Слушаю вас внимательно, – отозвался Виктор Алексеевич.

– Старлей, майор Венедиктов тебя беспокоит, дежурный офицер узла связи. Тут с тобой рвется поговорить майор Феофилактов. Будешь беседовать?

– А кто это такой? – поинтересовался командир разведроты, мысленно перебирая в памяти всех офицеров сводного отряда и особенно оперативного отдела, которые и готовили эту операцию.

Но такого майора он так и не вспомнил.

– Насколько мне известно, это командир отряда спецназа погранвойск, – равнодушно сообщил ему Венедиктов, который был, естественно, не полностью в курсе того, что происходит.

– Давайте его быстрее, товарищ майор. А то у меня и ситуация, и время подпирают.

Дежурный офицер узла связи соединил абонентов. Одна тишина сменилась другой. Но эта, новая, звучала уже иначе, как ни странно говорить такое.

– Старший лейтенант Собакин. Слушаю вас, товарищ майор, – сказал командир разведроты в микрофон.

– Здравствуй, старлей. Вот мы с тобой и познакомились. Мне только-только доставили вертолетом шлем вместе с КРУСом и простеньким солдатским приемоиндикатором. Сказали, что офицерского планшетника, который покруче, в наличии нет даже на складе, а собственный никто дать не пожелал. У всех в них нужда. Даже на время не дали. Но карту местности

в приемоиндикатор, слава богу, заложить не забыли. Так что я теперь вижу, где твоя рота расположена. А ты теперь должен разглядеть меня. Заметил?

– Минутку, товарищ майор. Сейчас я вас увижу, – сказал старший лейтенант, вытащил из большого нагрудного кармана свой планшетник, запустил его и сразу вывел на экран карту местности, которую загрузил в память гаджета еще перед вылетом.

На ней тут же высветилась зеленая точка, показывающая местоположение приемоиндикатора майора.

– Вижу вас. Так вы, оказывается, совсем у банды на хвосте висите.

– Если чуть-чуть скорости добавим, то сумеем стрелять в них. А вы уже натурально это делать можете, как я понимаю?

– Мы уже можем, но хотим подпустить ближе, чтобы пулеметы задействовать по полной программе, на прицельной стрельбе. Да и для простых бойцов дистанция покороче удобнее, чтобы бандиты с половины дороги вернуться не пожелали.

– Сколько у тебя пулеметов, старлей?

– Четыре, товарищ майор.

– Чем еще из вооружения богат?

– Четыре пулемета, как я уже сказал, вместе с моим – шестьдесят три автоматных ствола, пять снайперов с «Винторезами» и четыре миномета «Поднос» с полным боевым расчетом. Короче говоря, взвод минометной поддержки, как он официально у нас называется.

– Минометы, это хорошо. Снайперы – еще лучше. Я сам любитель со снайперами работать. У себя держу шестерых. Раньше было полное отделение, десять бойцов вместе с командиром. Сейчас двое в отпуске, двое, в том числе и младший сержант, командир отделения, раненные в госпитале лежат. Но я и на шестерых надеюсь. Они в любом бою могут погоду сделать. А минометчики у тебя с опытом боевых действий?

– Так точно. Они, конечно, к моей роте отношения не имеют, и сам я их работу не наблюдал. Это отдельный взвод из резерва нашего командира сводного отряда. Но все прошли не один бой. Мины точно кладут. Стрелять будут через наши головы. На перевале, в месте обрушения хребта, сидят их корректировщик с двумя бойцами охраны и наш снайпер. Один из пятерых. Четверо в общей цепи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.